

ИССЛЕДОВАТЬ Изучить. Проникнуть. Открыть. Освоить. Любой из этих глаголов годится для творчества **Виктора Барыкина**.

Вполне обыкновенная театральная биография молодого солиста сопровождалась весьма необычными особенностями каждого дебюта. Первое выступление в балете «Любовью за любовь», осуществленном Верой Боккадоро на музыку Тихона Хренникова, в роли комического злодея Дон Хуана предопределило будущность вчерашнего воспитанника Московского хореографического училища.

Профессиональная жизнь Барыкина протекает под знаком хореографии современной. Его аналитическая пытливость и пронизательный интеллект (а не просто техническая оснащённость и свойственный ему артистизм) неуклонно шлифуются, находят себе благодарное поле деятельности в каждой новой партии. С тех пор большая литература стала верной спутницей его сценических исканий.

Претворение литературных первоисточников на сцене балетной — сложно, подчас не предсказуемо, опосредствовано музыкой и танцевальной тканью, созданными постановщиком и композитором. Тем неожиданной и интересней те многоплановые, ассоциативные связи с драматургической основой, которые всегда ощутимы в актерской практике Барыкина. Его Каренин (исполненный танцовщиком в возрасте рискованно-юном, однако с поразительной серьезностью и глубиной) словно пришел на подмостки со страниц романа.

Его Хозе фатальностью своих поступков, безглядной и трагичной привязанностью к Кармен — Плисецкой, безудержностью отчаяния и ревности психологически сближен с героем новеллы: в нашем восприятии сами собой, произвольно возникают строки блиста-

тельного и утонченного стилиста Мериме.

Его Треплев несет в себе нервные, пульсирующие отзвуки чеховской «Чайки», чеховского творчества, пронизанного болью, тревогой за Человека и колебимой верой в светлые начала души человеческой. И гибель барыкинского Треплева так же драматична, как символическая гибель чайки, подстреленной им самим. Добавьте к сказанному — вни-

те музыкальных. Чтение книг и музыка для него не столько и не только досуг, но непрерывный деятельный труд мысли, труд души, соединенный со столь же упорным каждодневным трудом у станка.

Ответственность для Барыкина не исчерпана стремлением выполнить все «на пятом с плюсом», не нарушить давно образованный ансамбль старого спектакля. Нет! Сохранив верность за-

чтения столь канонизированной роли возникла в силу несомненного тяготения Барыкина к незаурядным, трагедийным человеческим личностям. Такой личностью стал его Макбет в спектакле Васильева на музыку Кирилла Молчанова. Первопрочтение заглавной роли принадлежало самому постановщику. А танцевать в очередь с Васильевым весьма и весьма рискованно.

Однако первые же спектакли с участием молодого исполнителя показали нам совсем иной абрис шекспировского героя. В Васильеве все время угадывались озарения: вспышки совести, вспышки добра, вспышки постепенно утраченной веры в жизнь и людей.

В Барыкине, напротив, словно материализовалась зловещая и роковая воля трех прорицательниц — Введьм. Молодой актер всячески высвечивал предрасположенность этой страшной природы к преступлениям, предрешенность поступков, лишь подхлестываемых общением с леди Макбет. Даже торжество победителя в первом действии в его выходящем монологе было овеяно мрачностью. За Макбетом — Барыкиным словно тянулся незримый шлейф черных замыслов, изощренных дум об убийствах, в нем — ожесточенная и одержимая устремленность к короне и трону. То были работы — антиподы так же, как поляры противоположны исполнительские особенности Васильева и Барыкина. Несходство их талантов отнюдь не мешает плодотворному сотрудничеству. В «Этих чарующих звуках» Васильев тонко и ненавязчиво открыл в манере танцовщика черты яркой комедийности. А появление Барыкина в новых одноактных балетах «Я хочу танцевать» и «Осколки одной биографии» позволило нам словно заново увидеть этого непохожего на других танцовщика.

Е. ЛУЦКАЯ.

● ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

ИЗУЧЕНИЕ ХАРАКТЕРА

мание Барыкина к дочерку балетмейстеров, будь то Альберто Алонсо, Майя Плисецкая, Юрий Григорович или Владимир Васильев.

Стати, именно в спектаклях Васильева и Григоровича убедительно раскрывается непрямолинейная, духовная связь сценических образов, воплощенных Барыкиным, с творениями литературной классики. Недаром его Икар воспринимается, как воплощение античных понятий о гармонической человеческой личности, оставленных нам в литературных и философских памятниках той поры. Недаром помимо естественных аналогий со сказами Павла Бажова его Северьян вызывает в памяти героев Достоевского. В частности, невероятная экспрессия, с какой проводит Барыкин картину «Ярмарки», заставляет вспомнить сцену в Мокром из «Братьев Карамазовых». Вот какими высокими ассоциациями измеряются масштабы театральных созданий Барыкина.

Конечно, здесь сказывается серьезность и строгость его вкусов — литературных

данному рисунку, он во что бы то ни стало покажет роль, сделанную заново, увиденную «свежими и нынешними очами», интерпретированную по-своему.

Именно таков его лесничий Ганс, неудачливый поклонник Жизели, разоблачитель Альберта, — кому не знакома эта давняя история, придуманная Теофилом Готье и затем гениально воплощенная Жюлем Перро и Мариусом Петипа?.. Однако вот пришел новый исполнитель, и партия засияла новым светом. Контуры характера смягчились. Сценическое бытие осмыслилось страданием и искренностью отвергнутой любви. Не традиционный балетный антагонист лирической героини, но юный влюбленный, погруженный затем в скорбь не менее Альберта, — таков новый Ганс, освобожденный от одноплановых примет. Не случайно теперь юный солист Большого театра Гедиминас Таранда, ни в чем не копируя Барыкина, в общем следует тем же принципам прочтения партии Ганса...

Быть может, новизна про-

Молодой артист
г. Москва

1984

12